

АДМИНИСТРАЦИЯ ОБАМЫ И КИТАЙ: МОТИВАЦИИ И СОБЫТИЯ

© 2012 г. **С.М. Труш***
Институт США и Канады РАН, Москва

Китайская политика Б. Обамы – поиск «золотой середины» между противостоянием в военной сфере – с одной стороны, и взаимозависимостью в экономике – с другой. Коррективы в военной стратегии США, произведённые в 2012 г., пока прямо не сказались на военном балансе сторон. Были актуализированы союзнические и партнёрские связи США с ключевыми проамериканскими странами АТР. Новые моменты проявились в инвестиционных связях на фоне обоюдно нарастающего протекционизма. В год потенциальной «смены караула» в обеих столицах состоялся знаковый визит преемника Ху Цзиньтао – Си Цзиньпина в Вашингтон.

Ключевые слова: *американо-китайские отношения, взаимозависимость, отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, военная стратегия США, валютные противоречия, курс юаня, инвестиции КНР в США, китайское руководство.*

Перед администрацией Обамы после его прихода в Белый дом встал ряд очевидных, но трудно совместимых приоритетов в отношении КНР.

Во-первых, было необходимо найти «золотую середину» между противостоянием в геополитике и военной сфере, с одной стороны, и взаимозависимостью в экономике, кооперационным «обволакиванием» растущего партнёра-соперника – с другой. Продолжающийся спурт всех компонентов «жёсткой» и «мягкой» силы КНР был существенно усилен последствиями финансового кризиса, негативно сказавшегося и на самом Китае, но неизмеримо более ослабившего его американского конкурента. «Золотая середина», правильная формула отношений была особенно важна на этапе трансформации мирового порядка – в сторону от нереализовавшейся однополярности, – с тем чтобы обеспечить США наименее проигрышную позицию в его новом издании.

Во-вторых, США было необходимо поставить в рамки чрезмерное и слабо регламентированное присутствие Китая на экономическом пространстве США, переломить запредельный (треть триллиона) внешнеторговый дефицит, минимизировать отток рабочих мест из США в связи с переносом традиционных и ненаучоёмких производств в Китай. В этом приоритете интересы американского государства и гражданина сталкиваются с интересами крупных корпораций США. Конкурентоспособность последних, тем более в условиях рецессии, прямо связана с транснационализацией производства. При этом Китаю, с

---

* ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: stroush@mail.ru

точки зрения инвестиционного климата этой страны, стоимости рабочей силы, других инвестиционных составляющих пока трудно найти альтернативу.

В-третьих, для США было важно, по возможности, предохранить от болезненных колебаний американский фондовый рынок, поддержать приток на него значительной массы финансовых ресурсов КНР, сохранив таким образом сложившуюся за последние десятилетия макроэкономическую связку между ориентированной на экспорт экономикой КНР и самой потребляющей в мире экономикой США. Хотя разрыв этой связки пока нереалистичен с точки зрения структуры финансового рынка самого Китая (точнее неразвитости этого рынка) негативные колебания фондового рынка Соединённых Штатов вполне возможны; рычагов у КНР здесь предостаточно. Стабильность на нём особенно важна в контексте хронического «тройного» дефицита США, невозможности преодолеть эту проблему в обозримом будущем.

Наконец, в-четвёртых, Вашингтону было важно актуализировать союзнические и партнёрские отношения в АТР по ближней и дальней китайской периферии, использовать региональную настороженность возвышением КНР в американских интересах. В этом плане первоочередными объектами внимания США стал АСЕАН – как зона наибольшего продвижения экономических интересов КНР, и традиционные союзники Соединённых Штатов – Япония, Корея, Австралия; особая роль отводилась Индии и Вьетнаму. Дипломатическая работа «по китайской теме» велась США и на других возможных – страновых и интеграционных – форматах.

Вовлечение и жёсткость: в поисках баланса

С учётом воззрений и политической философии Б. Обамы, переосмысления им пределов возможностей и самой роли США в международной системе, основной акцент администрации в отношении КНР был сделан на позитивных, кооперационных инициативах. Во главу угла было поставлено расширение опоры взаимозависимости с Китаем, в первую очередь, за счёт сотрудничества в области высоких технологий, наукоёмких производств, перспективных инновационных проектов, создание в КНР стойкой мотивации к совместному решению глобальных проблем – ядерного нераспространения, зелёной энергетики, изменения климата, освоение космоса. Особый упор был сделан на расширение гуманитарного, культурного, информационного сотрудничества с КНР. В таких условиях, по убеждению администрации Обамы, геополитические и иные противоречия двух стран будут размываться и ставиться в контекст общности более существенных двусторонних интересов.

В ноябре 2009 г. в ходе первого визита президента Б. Обамы в Китай, американская сторона выдвинула внушительный пакет инициатив сотрудничества в перспективных областях. Учитывая мотивацию КНР в энергообеспеченности для дальнейшего роста, особую остроту экологических проблем в Китае из-за использования несовершенных энергетических технологий, а также личный интерес Б. Обамы к соответствующим проблемам, стержневые проекты сотрудничества были предложены именно в этой области. Был принят «План действий США и КНР в области энергоэффективности» (*U.S.-China Energy Efficiency Action Plan*), в рамках которого стороны долж-

ны будут вести совместные разработки и внедренческие программы, в частности по массовому использованию электромобильной техники и устройств, разработкам сланцевого газа, совершенствованию и экологизации угольного потребления (актуальнейшая тема для КНР). В рамках «Партнёрства США и КНР по возобновляемой энергетике» (*The U.S.-China Renewable Energy Partnership*) предполагаются совместные исследования, НИОКР и массовое производство возобновляемых источников энергии в обеих странах, что, с учётом потребностей двух самых энергопотребляющих экономик, существенно снизит себестоимость таких технологий для остального мира. Был дан старт работе совместного Американско-китайского центра по разработкам в области чистой энергетике (*The U.S.-China Clean Energy Research Center*) с головными офисами в каждой из стран, функционирующего одновременно как исследовательский и фандрайзинговый центр.

По инициативе Б. Обамы были повышены статус и представительность «Стратегического и экономического диалога» – главного переговорного механизма между США и КНР. С 2009 г. он проходит ежегодно и одновременно по двум соответствующим «панелям» на министерском уровне с участием руководителей ключевых ведомств обеих стран. В сессиях участвуют примерно 50 руководителей ведомств министерского уровня. В мае 2012 г. состоялся очередной раунд такого диалога, существенным моментом которого является то, что он вовлекает в орбиту двустороннего взаимодействия высший институциональный костяк обеих стран. Таким образом, повышается уровень межведомственной координации в китайско-американских отношениях; руководители ведомств анализируют «свои» проблемы в контексте общенациональных приоритетов. Это важно для преодоления существенных корпоративных противоречий.

За прошедшее десятилетие Китай превратился в одного из двух центральных мировых игроков. Его интересы манифестированы во всех точках земного шара, он играет ключевую роль в вопросах миропорядка, реформировании финансовой и экономической архитектуры, является инициатором и участником многих «альтернативных» политических и экономических форматов – БРИКС, Группа 20-ти (*G-20*), АСЕАН. Усиливается соперничество США и КНР за «третьи» страны, за расширение опоры своего глобального влияния. Это требует от обоих государств использования всего инструментария, всей гаммы дипломатических средств и ресурсов, распространяет конкуренцию на «модели» их социально-экономического развития, предъявляет дополнительные требования к их внутренней политике.

Эклектичность китайской экономической модели, сочетание в ней различных форм собственности, вариативных методов хозяйствования, элементов рынка и государственного планирования, подвижность контуров дальнейшего развития китайской экономики и общества, продолжающего называть себя «социалистическим», актуализирует идеологические искания и дискуссии в нём. Провозглашённая КПК линия на смену парадигмы экономического роста – от ориентированной на экспорт к опирающейся на внутренний спрос, стимулирование внутреннего потребления, консюмеризм – неизбежно усиливают эти симптомы.

Реакцией США на эти процессы стало чёткое стремление расширять гуманитарные контакты, идеологическое, «ценностное» присутствие США в Китае. Администрацией Обамы было объявлено о широкой программе студенческих, научных и культурных обменов с КНР, ориентирующихся на то, чтобы присутствие в Китае граждан США выросло с 20 тыс. в настоящее время до 100 тыс. человек в течение ближайших четырёх лет. (В самих США в настоящее время обучаются и работают по обмену приблизительно около 100 тыс. граждан КНР). Частный бизнес, в первую очередь из числа крупных компаний, активно представленных в КНР, в частности «Моторола» (*Motorola*), «Катерпиллар» (*Caterpillar Inc*), «Ситигруп» (*Citigroup*), уже активно подключён к финансированию этих обменов в виде грантов, стипендий. Принято решение о проведении годичной китайской культурной программы в США, после которой предполагается аналогичная годичная программа в Китае. В этих мерах Вашингтон явно конкурирует с Москвой: напрашиваются очевидные аналогии с Годом России в Китае, Годом русского языка, активизацией межкультурного диалога между КНР и РФ.

Говоря о гуманитарном взаимодействии, отметим, что подход нынешней администрации к традиционной болевой точке двусторонних отношений – проблеме «прав человека» в КНР, отличается деликатностью, подчёркнутой политкорректностью. Так, присуждение «Нобелевской премии мира» китайскому правозащитнику Лю Сяобо в 2010 г. активно не педалировалось Белым домом; создавалась видимость его отстранённости от решения Нобелевского комитета. Накануне государственного визита в США Ху Цзиньтао в январе 2011 г. Б. Обама принял в Белом доме лидеров китайской политической эмиграции, но по тональности этой встречи, ремаркам президента было понятно, что она сфокусирована скорее на американскую, нежели на китайскую аудиторию. Наряду с этим, Б. Обама предусматривал показательную принципиальность дважды – в феврале 2010 г. и в июле 2011 г. – встретившись в Белом доме с Далай-ламой, зафиксировав тем самым поддержку тибетских гражданских активистов и религиозных свобод в КНР. Китайские власти выступили по этому поводу с резкими демаршами. В 2012 г. в КНР произошёл ряд резонансных событий, в которых китайские граждане прямо апеллировали к дипломатическим представительствам США. В марте 2012 г. мэр Чунцина Ван Лицзюнь, опасаясь ареста, обратился в американское консульство в Чэнду в поисках «политического убежища» и не получил его. В мае того же года в Пекине известный правозащитник Чэнь Гуанчэн несколько дней находился на территории американского посольства в Пекине, а затем покинул его. Хотя многие обстоятельства этих инцидентов неясны, была очевидна архиделикатность поведения Вашингтона в этих щекотливых ситуациях. По результатам пекинского инцидента американский посол в КНР был даже обвинён весьма вероятным кандидатом в президенты от Республиканской партии М. Ромни в предательстве интересов «китайской демократии».

Китайская реакция на инициативы Б. Обамы была «сложносочинённой», сообразно спектру настроений и мотиваций относительно Америки в политическом классе КНР. Этот спектр широк – от «пещерного антиамериканизма» в сегментах военного истеблишмента и консервативной части партийной и

государственной бюрократии до весьма либеральных, прозападных, лояльных к США настроений, которые присутствуют в широких кругах гуманитарной и технической интеллигенции, студенчестве, среди предпринимателей (как правило, среднего звена), особенно в восточных приморских провинциях страны. Эти настроения, тем не менее, сильно подвержены колебаниям, сообразно тем или иным действиям американской администрации, которые правящая китайская верхушка расценивает как знаковые, с соответствующим знаком «плюс» или «минус».

Основная тональность реакций китайского политического класса на первоначальные шаги администрации США в отношении КНР – сдержанный оптимизм, точнее – «оптимистическая осторожность». В Китае в целом достаточно позитивно восприняли «свежий взгляд» и кооперационную политическую философию президента США, провозглашённый им отказ от жёсткой однополярности, от военного диктата в Ираке и Афганистане, ориентацию на многостороннее взаимодействие с европейскими и азиатскими партнёрами США. «Технологические» инициативы Б. Обамы на углубление экономической взаимозависимости с Китаем оценили в целом положительно, хотя раздавались и альтернативные диссонирующие голоса. Так, в кругах, близких к военно-промышленному комплексу КНР выражались мнения, согласно которым новые энергетические и другие перспективные проекты, предлагаемые администрацией Обамы – «коммерческая ловушка», суть которой – навязать КНР участие в дорогостоящих и сомнительных с точки зрения её реальных интересов прикладных технологических программах и финансировать таким образом очередной виток американского прогресса в фундаментальных научных областях [7, с. 96, 161–162]. Эти «конспирологические» оценки – единичные, но показательные – созвучны распространённым суждениям китайских наблюдателей о том, что кооперативная, ориентированная на многостороннюю дипломатию философия Обамы ставит цель трансформировать американское лидерство в новую, более сложную для КНР модель.

Вообще, если судить по публикациям китайских политологов-международников, многие стороны нынешней мировой реальности для них неясны, дискуссионны. Среди таких вопросов: «однополярность», действительно ли она уходит в прошлое или США справятся с временным ослаблением; глубина финансово-экономического кризиса в западном мире; уйдёт ли Россия из тесного взаимодействия с КНР или «сдвинется» в сторону Запада; целесообразно ли Китаю идти на тесные партнёрские отношения с Россией и ЕС, чтобы уравновесить свою позицию против Америки; применим ли марксистский метод для анализа современной международной действительности [7, с. 44, 71, 115; 8, с. 25, 88–89, 158, 213].

Если говорить об американской стороне, то администрацию Обамы можно смело назвать наиболее сведущей в китайских делах за весь послевоенный период. Сам Обама по определению не имеет антиазиатских предубеждений. Более того – Д. Байден и Х. Клинтон имеют существенный личный опыт контактов с КНР на прежних постах. Т. Гайтнер, отец которого жил в Китае, является первым министром финансов США, владеющим китайским языком. На ключевых министерских и аппаратных постах в администрации в период

2009–2011 гг. находились три этнических китайца – министр энергетики, министр торговли и секретарь аппарата кабинета в ранге министра.

Во внешнеполитической команде по китайскому вопросу ключевую роль играет помощник госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана К. Кэмпбелл, который в клинтоновской администрации работал на похожей позиции в Пентагоне, зарекомендовав себя скорее сторонником взаимодействия с КНР, чем её сдерживания.

Более того, в марте 2011 г. один из министров из этнических китайцев – Г. Локк – с поста министра торговли получил знаковое назначение послом в Пекин, что свидетельствовало об усилении тенденции на взаимозависимость и акценте Б. Обамы на экономическую составляющую американо-китайских отношений.

Военное измерение

В поиске «золотой середины» в своём подходе к Китаю Белый дом не исключал и жёсткого компонента. В феврале 2010 г. администрация Обамы дала санкцию на очередную партию военных поставок Тайбею. Объём планируемых поставок – свыше 6 млрд. долл., их качественное наполнение – истребители *F-16C/D*, ракеты «Пэтриот» (*Patriot*), вертолёты «Блэк Хок» (*Black Hawk*) – вызвали решительное противодействие китайской стороны. Особенно неприятно ей было то обстоятельство, что решение о поставках было принято спустя два месяца после столь многообещающего первого визита Б. Обамы в КНР.

Говоря о мотивах и внутреннем контексте этого шага Белого дома, следует отметить ряд обстоятельств. Контракция поставок вооружений на Тайвань имеет свой цикл, свою бюрократическую процедуру, доминирующую роль в которой играет Министерство обороны США. С учётом плотного республиканского прессинга на администрацию в Конгрессе, сложной экономической ситуации в стране, Белый дом вряд ли мог позволить себе разительные существенные коррективы в сроках и в номенклатуре поставок, что означало бы и значительную ревизию тайваньской политики США, и потерю крупных заказов для американских корпораций, и существенную потерю рабочих мест.

Однако центральное значение в мотивациях Б. Обамы имели чисто внешнеполитические мотивы. Необходимо было дать понять Пекину, что набранные им за последние годы очки и действия – активизация экономической дипломатии в зоне АСЕАН, в АТР и других регионах мира (в Африке и в Латинской Америке, на Ближнем Востоке), успехи в военном строительстве (истребитель пятого поколения, противоспутниковое оружие, расширение диапазона действий ВМФ), неуступчивость в территориальных спорах по периметру границ КНР, усиление культурно-гуманитарного присутствия в мире – не остаются без адекватного ответа.

В январе 2012 г. Белый дом и военное ведомство объявили о существенных коррективах в военной стратегии США, согласно которым бюджет военного ведомства подлежал сокращению почти на 487 млрд. долл. в течение ближайших 10 лет, замораживались многие программы перевооружений, изменялась структура и сокращалась численность военного контингента в Европе; сухо-

путные силы подлежали сокращению с 570 до 420 тыс. человек. Согласно новой стратегии США отказывались от планов готовности к двум полномасштабным войнам одновременно, но при этом должны быть способны эффективно решать задачи в потенциальных региональных конфликтах. Главными геополитическими зонами для военной стратегии США были объявлены два региона – Большой Ближний Восток, в частности Иран, и Восточная Азия с находящимися там Китаем и Северной Кореей.

Эти изменения в военной стратегии США явились очевидным следствием их проблемной экономики, необходимости решать вопросы, связанные с запредельным госдолгом и платёжными дефицитами. Соединённые Штаты вынуждены переходить в военной политике к большей сообразности целей и средств, решать задачи по сдерживанию стратегических соперников при меньших расходах, при концентрации ресурсов на ключевых стратегических зонах за счёт оптимизации и интеллектуализации военного потенциала. При этом Белый дом особо подчеркнул, что сокращение личного состава и бюджета не будут носить обвального характера, необходимый военный персонал, его навыки и боевые технологии будут сохранены.

В практическом плане эти меры пока не сильно сказываются на военном соотношении США и Китая. Бюджет Пентагона, даже с учётом всех будущих сокращений, пока существенно выше уровня военных расходов КНР. В настоящее время, по заслуживающим доверия оценкам, это превышение является семикратным. Сохраняется качественное и количественное преимущество США в ядерном потенциале, причём все элементы ядерной триады, даже в условиях секвестированного бюджета, американцы планируют модернизировать.

Тем не менее, в политико-психологическом смысле признание Восточной Азии одним из главных регионов американской активности и усиление американского присутствия в нём, несомненно, осложнило ситуацию в двусторонних отношениях. «Новая стратегия, – заметил один китайский аналитик, – преследует цель убедить азиатских союзников США в неизменности обязательств перед ними. По мере ослабления своего экономического влияния в мире США используют свои военные преимущества как средство воздействия на партнёров» [3].

Усиление военного соперничества в АТР не замедлило сказаться в ответном ужесточении подхода КНР к ряду чувствительных для США проблем.

Пекин гораздо спокойнее отреагировал на демонстративные пуски ракет КНДР в апреле 2012 г., имеющие, по заявлению Пхеньяна, научное назначение, но по сути являющиеся испытаниями баллистических средств доставки. Более того, реагируя на американские планы размещения региональной азиатской ПРО, китайские аналитики дали понять, что ответом на эти планы может быть только совершенствование ядерного потенциала КНР в качественном и количественном отношении и возможный отказ Китая от стратегии неприменения ядерного оружия первыми [5].

Пекин также заметно усилил критику позиции Вашингтона по территориальному конфликту в Южно-Китайском море.

Взаимодействие США с тихоокеанскими партнёрами

Другим каналом «воспитательного» воздействия США на КНР стала актуализация союзнических связей с ключевыми проамериканскими странами АТР, ревитализация имеющихся и организация новых партнёрских связей Соединённых Штатов со странами тихоокеанской Азии.

В предыдущее десятилетие Китай добился многого в продвижении своих интересов и выдавливанию США из региона. Особенно тревожил американцев прогресс связей КНР с АСЕАН, форматы АСЕАН + 1, + 3, + 6. Возникшая на их базе инициатива «Восточноазиатского саммита» формировала условия для складывания в регионе интеграционного ядра и структуры безопасности без участия США. Китай успешно внедрялся в экономическое пространство стран АСЕАН, теснил Соединённые Штаты в торговле, субрегиональных инвестициях; его ресурсы и близкая асеановцам азиатская идентичность Китая позволяли последнему осуществлять в ЮВА ряд стратегических проектов. Одним из наиболее внушительных стал такой проект в Мьянме, создание многофункционального транспортного коридора между Андаманским морем и китайской провинцией Юньнань, со строительством нефтеналивного терминала и разработкой газового месторождения. С появлением этого коридора Китай будет в состоянии получать существенные объёмы ближневосточной нефти в обход Малаккского пролива.

В июле 2010 г. Х. Клинтон в поездке по АТР объявила о «возвращении США в регион». США пошли на подписание Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. Ранее они не считали для себя возможным идти на эти договорённости с АСЕАН. В качестве альтернативы интеграционным проектам в АТР Вашингтон выдвинул инициативу «Транстихоокеанского партнёрства» (ТТП) – создание зоны свободной торговли с последующим развитием в ней интеграционных процессов. Переговоры о создании такой зоны на середину 2012 г. активно вели между собой США, Австралия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней, Вьетнам, Чили, Перу. Возможность подключения к этой инициативе на разных условиях озвучили Канада, Мексика и Япония.

В числе асеановских стран важную роль приобрели связи США с Вьетнамом. Будучи геополитическим и военным тяжеловесом в регионе, имея историческую настороженность в отношении КНР, подкреплённую недавним прошлым (пограничная война с КНР в 1979 г.), проводя политику открытости, ощущая растущую потребность в инвестициях и технологиях, эта страна становилась естественным партнёром США в налаживании системы «сдержек» и «противовесов» китайского влияния. Администрация Обамы имела особые виды на Вьетнам, рассчитывая использовать связи с ним для подключения к инициативе Восточно-Азиатского сообщества (ВАС), непроницаемость которой Вашингтон рассматривал как свою дипломатическую проблему [2]. В октябре 2010 г., эти планы были реализованы: на саммите

АСЕАН в Ханое президенты США и РФ были приглашены участвовать во встречах ВАС на регулярной основе.

Работа по «китайской теме с Вьетнамом» была результативной и по другим направлениям. Отвечая на признание Китаем Южно-Китайского моря зоной своих «коренных интересов» (ранее эта зона распространялась лишь на Тайвань и Тибет), Х. Клинтон предложила всем участникам конфликта – Малайзии, Филиппинам и Вьетнаму – своё «посредничество» в урегулировании этого конфликта. Вьетнам был в числе тех, кто наиболее активно откликнулся на это предложение. В августе 2010 г. Вьетнам и США провели первые в истории совместные военно-морские учения в Южно-Китайском море.

Администрацией Обамы была особо подчеркнута значимость военного присутствия США в Сингапуре, сообразно значимости Малаккского пролива в системе военно-транспортных коммуникаций в АТР. США близки к завершению переговоров о размещении флотилии боевых кораблей прибрежной зоны на морской базе Чанги в Сингапуре. Другая группировка таких кораблей будет предположительно базироваться на Филиппинах.

Вне рамок АСЕАН наибольший интерес для тихоокеанской политики США, несомненно, представляет Индия. Позиция Б. Обамы в отношении Дели также была весьма продуктивной. К очевидному дипломатическому успеху 2006 г. – Соглашению о мирном использовании ядерной энергии – нынешняя администрация добавила также Соглашение о разделе военной продукции (2009). Но, пожалуй, ещё более эффективным ходом Б. Обамы, в котором также угадывался «китайский след» была поддержка принятия Индией в СБ ООН [2]. В ходе визита президента США в Нью-Дели в ноябре 2010 г. было объявлено о военных контрактах на сумму 5 млрд. долл., в том числе на поставки транспортной авиации *Boeing C-17* и истребителей *F-414*. Успешные испытания Индией баллистической ракеты «Агни-5» (*Agni-5*) с дальностью полёта до 2 тыс. км в апреле 2012 г. были восприняты Вашингтоном без чрезмерного драматизма. Индия не присоединилась к России и КНР, наложивших «вето» на резолюцию СБ ООН по Сирии (февраль 2012), что также явилось позитивом для Вашингтона в китайской проблематике. Прогресс в отношениях не исключал и наличия проблемных зон в американо-индийских отношениях. В их числе – Пакистан (плотные связи США с Исламабадом сильно раздражают Дели), афганская тема, трения по соглашению о ядерном сотрудничестве, торговые противоречия.

Показательным моментом в тихоокеанской политике США стала ревитализация связей с Австралией и Новой Зеландией. В конце 2011 г. было объявлено о том, что в австралийском порту Дарвин, который является ключевым для доступа в Южно-Китайское море и к зоне ЮВА в целом, будет размещено до 2500 морских пехотинцев США. Ориентация этого шага в первую очередь против КНР не вызывает сомнений. Австралия и Новая Зеландия рассматриваются в Вашингтоне как географически и структурно важный элемент американской ПРО/ТВД в Азии. Планы США по продвижению этой инициативы актуализируются в связи с пусками северокорейских ракет.

Отдельно и особо следует сказать о ключевых партнёрах США в АТР – Японии и Корее (РК) в контексте китайской политики Обамы. Что касается Японии, то, несмотря на её статус особого азиатского союзника США, общую тенденцию на усиление самостоятельной военной роли в азиатской и глобальной проблематике, плотную взаимозависимость двух экономик, подход Токио в отношении КНР отличается от американского рядом существенных особенностей. Во-первых, «горячее дыхание» своего регионального соседа – Китая и экономически, и в военном смысле воспринимается Токио более предметно и ощутимо, чем это присуще США, с учётом всего спектра американских возможностей по сдерживанию КНР, в первую очередь военных. Япония в силу геополитики, истории, территориальных конфликтов, является заложником № 1 китайско-американского противоборства, и эту уязвимость японская сторона стремится максимально преодолеть дипломатическим маневрированием. Во-вторых, степень существующей взаимозависимости японской и китайской экономик, мотивация к взаимному тяготению, пожалуй, большая, чем у КНР и США. Для Японии в условиях структурных внутренних дисбалансов, хронически неудовлетворительного внутреннего спроса, вяло текущей рецессии на азиатских и глобальных рынках, тонус экономического взаимодействия с Китаем более значим, чем в американо-китайском взаимодействии. К тому же на мировых рынках японские товары и услуги больше конкурируют с американской продукцией, с Китаем же эта конкуренция всё ещё достаточно разнесена по разным товарным и стоимостным категориям. Япония пока сохраняет прочное лидерство в Восточной Азии в области высокотехнологичной, наукоёмкой и капиталоемкой продукции и услуг. Богатейший потенциал Японии в области НИОКР, прикладных инженерных разработок крайне востребован в современном Китае, заинтересованном в технологическом восхождении. Япония с середины 1980-х годов прочно занимает место ключевого инвестора, а теперь и первого государства по объёму экспорта в КНР. В-третьих, в японском правящем классе достаточно сильны настроения, если не «паназиатского толка», то в пользу ориентации Японии на региональное сближение в рамках Северо-Восточной Азии и в рамках АТР в целом; эти настроения подпитываются интересами мощных финансово-промышленных группировок Японии. Все эти обстоятельства генерируют японскую осторожность, сдержанность и тщательный расчёт собственных интересов и вариантов поведения в раскладе китайско-американских противоречий.

Что касается Республики Корея, то в её мотивациях следует особо подчеркнуть ещё большую «взаимодополняемость» корейского и китайского промышленного и научно-технического комплексов, отсутствие между странами неизжитых исторических шрамов, как в случае с Японией, но самое главное – ведущую роль КНР в процессе урегулирования на Корейском полуострове, которую Сеул вынужден признавать и подсознательно ей «подчиняться». Это осознание становится всё более очевидным по мере нарастания американских слабостей. В Сеуле растёт понимание, что формулы решения межкорейской проблемы потенциально будут найдены не выходя за пределы Северо-Восточной Азии при доминирующей роли Китая.

Экономика: бремя взаимозависимости

В сфере экономики Китай и США продолжали связывать интенсивные и разноплановые отношения – торговля, взаимные инвестиции, сотрудничество и конкуренция в области технологий и инноваций, взаимодействие на финансовых рынках, противоборство в тихоокеанских интеграционных проектах. Основные тенденции и противоречия торговых отношений КНР и США сохранялись прежними, но проявлялись и новые моменты [1].

В основном, преодолев кризисное падение в 2008–2009 гг. двусторонняя торговля быстро восстановила прежние объёмы и преодолела к концу 2011 г. рубеж в полтриллиона долларов. Китай является вторым по товарообороту торговым партнёром США, третьим по объёму экспортным рынком США и партнёром № 1 по импорту (2011 г). Принципиальным нюансом китайской торговой стратегии стали удорожание экспорта за счёт увеличения собственно китайского наукоёмкого и техноёмкого компонента в нём, стремление сократить долю иностранных патентов в конечном продукте. Такие категории китайского экспорта (по таможенной статистике США), как «электрические приборы и оборудование» и «силовое оборудование», на протяжении последних пяти лет росли опережающими темпами по основным традиционным экспортным группам (в среднем на 10% в год). Следствием подобной торговой и внешнеэкономической стратегии явилось достаточно агрессивное выдавливание с внутреннего китайского рынка тех американских фирм и корпораций, которые проявляли нежелание «делиться» технологиями со своими китайскими «дочками». Другим следствием этого стало обострение проблемы американского торгового дефицита вследствие почти четырёхкратного превышения американского импорта из КНР над экспортом. При достигнутом товарообороте в 503 млрд. долл. торговый дефицит США составил в 2011 г. внушительные 295 млрд. [6]. Эта проблема составляла центральную болевую точку китайской политики Б. Обамы, которую активно использовали критики президента.

В ноябре 2008 г. правительство КНР приняло пакет мер антикризисной поддержки национальной экономики – 586 млрд. долл., направленных прежде всего во внутренние инфраструктурные проекты транспорта, энергетики, жилищно-коммунального хозяйства, охраны окружающей среды. При этом основные операторы и бенефициары проектов – крупные госкорпорации, банки и региональные власти КНР – были негласно ориентированы на то, чтобы при освоении выделенных сумм приоритет чётко отдавался китайским производителям.

Принципы «покупай китайское» лежат в основе политики государственных закупок КНР и в более широком плане. В 2009 г. был обнародован ряд дополнительных мер по финансовой поддержке десяти ключевых китайских отраслей, включая автомобильную, сталелитейную, судостроительную, текстильную, лёгкую промышленность, станкостроение, производство электроники и информационных технологий, цветную металлургию, производство средств связи. Эта поддержка включает в себя существенные льготы, государственные субсидии, налоговые и кредитные преференции для технологических разработок

и развития оригинальных китайских брендов, для поощрения инвестирования фирмами КНР за рубежом.

Продолжали сохраняться валютно-финансовые противоречия КНР и США и дискуссии по этому вопросу. За период 2005–2009 г. рост курса юаня относительно доллара (сообразно привязке китайской валюты к корзине основных западных валют) составил примерно 21%. С июня 2009 по июнь 2010 г. курсовой рост денежной единицы КНР был директивно приостановлен китайской стороной как антикризисная мера, направленная на поддержку китайских производителей. В июне 2010 г., накануне встречи Группы-20 в Торонто, Пекин объявил о возобновлении курсового роста юаня «в плавном режиме». В результате к маю 2012 г. курс юаня к доллару с отметки 6,83 подорожал до 6,30, т.е. на 8%.

Американская сторона продолжает настаивать на том, что подобный «заниженный» курс юаня является косвенным средством субсидирования китайского экспорта и даёт очевидные односторонние преимущества китайским производителям. Это, по мнению США, противоречит принципам ВТО. Китайская сторона исходит из того, что курс национальной валюты должен в первую очередь исходить из внутренних экономических целей развития и сложившихся пропорций внутреннего ценообразования, в частности стоимости рабочей силы. Резкое колебание этого курса пагубно отразится на экономической и социальной стабильности КНР. Точка зрения, согласно которой стабильный курс китайской валюты относительно доллара способствовал контролируемой инфляции в КНР, привлечению личных средств и средств предприятий на счета государственной банковской системы КНР, не вызывает сомнений. Именно эти внутренние средства явились основными ресурсами роста китайской экономики за два последних десятилетия.

Заметной тенденцией экономических связей КНР и США стал рост китайских инвестиций в американскую экономику. Прямые инвестиции КНР в США пока несопоставимы с инвестициями в обратном направлении (40–50 млрд. ежегодно на протяжении последнего десятилетия), но в 2010 г. они уже превысили 5,2 млрд. [4]. Эта тенденция мотивирована колоссальным ресурсом валютно-финансовых накоплений КНР, стремлением оптимизировать их использование за счёт более прибыльных вложений, чем казначейские бумаги США. С другой стороны, Китай рассматривает инвестирование в перспективные американские активы как средство получения передовых технологий и приобретения зарекомендовавших себя американских брендов.

Такая мотивация часто вызывает «симметричный ответ» американцев, сообразно их проблемам на китайском внутреннем рынке. Регулирующие органы США часто не санкционируют инвестиционные китайские и американские компании в форме «слияний» и «поглощений», что Китай трактует как «протекционистские» или «политически мотивированные» меры.

В дополнение к не реализовавшейся ранее крупной сделке (на 18,5 млрд. долл.) по приобретению американской нефтехимической корпорации ЮНОКАЛ (*UNOCAL*) со стороны китайского «нефтяного кита» Китайской на-

циональной нефтяной компании, разрабатывающей шельфовые месторождения (*China National Offshore Oil Corporation*), нереализованными оказались ещё ряд сделок, хотя и менее масштабных по объёмам.

В июле 2009 г. крупная госкорпорация КНР «Китайская Северо-Западная международная инвестиционная компания по производству цветных металлов» (*China Northwest Nonferrous International Investment Company*) предприняла попытку приобрести 51% перспективной американской инновационной компании «Фёрстголд» (*Firstgold Corporation*). Эта сделка не была санкционирована Комитетом по иностранным инвестициям в США (*CFIUS*) по причине того, что ряд производственных мощностей американской компании находился вблизи важных военных объектов на территории США.

Другая инновационная американская компания «Эмкор» (*Emcore Corporation*), специализирующаяся на разработке композитных полупроводниковых материалов и оптоволоконных технологиях, планировала уступить часть своего бизнеса (за исключением сферы оптоволоконной спутниковой связи) китайской «Тяньшаньской инвестиционной корпорации в области оптоволоконных технологий» (*Tangshan Caofeidian Investment Corporation*) (*TCIC*) за 27,8 млн. долл. Однако позднее было объявлено, что сделка не состоится, поскольку Комитет по иностранным инвестициям в США также не даёт «добро» на неё.

Протекционистские мотивации как с китайской, так и американской стороны, таким образом, играют ощутимое значение в технологическом обмене и взаимном инвестировании КНР и США. В силу этих причин ключевыми сферами приложения китайских капиталов пока являлись не самые высокотехнологичные компании и отрасли американской экономики.

Несмотря на общеполитические установки КНР на строительство независимой от доллара мировой финансовой архитектуры и максимально возможный уход от доллара во взаиморасчётах с третьими странами, КНР продолжает хранить значительные валютно-финансовые ресурсы в долларовых активах, продолжает активно скупать американские ценные бумаги. Этому де-факто пока нет альтернативы, имея в виду сохраняющийся ориентированный на экспорт характер китайской экономики, необходимость массированных юаневых интервенций на мировом финансовом рынке, неразвитость финансовых институтов внутри КНР. После временного снижения в 2008–2009 гг. размещение валютных резервов в ценных бумагах США в абсолютном выражении вновь выросло и превысило порог 3 трлн. долл. (американские ценные бумаги всех видов, включая облигации Минфина США, федеральных агентств США, корпоративного сектора, долгосрочные и краткосрочные ценные бумаги). Таким образом, КНР вновь «отыграла» у Японии позицию первого внешнего кредитора США.

Знаковый визит

В феврале 2012 г. состоялось ещё одно знаковое событие для будущих отношений сторон. США посетил с официальным визитом заместитель предсе-

дателя КНР Си Цзиньпин, потенциальный преемник нынешнего китайского лидера Ху Цзиньтао. Смена лидера должна произойти на будущем 18 съезде КПК во второй половине 2012 года.

Этот визит был примечателен во многих отношениях. На съезде КПК, согласно её регламенту, руководящие органы партии существенно обновляются. Из семи членов Постоянного комитета (ПК) Политбюро – высшего органа управления КПК – должны смениться пятеро; значительная ротация произойдёт и на иных уровнях партийной, государственной и военной верхушки. К этому добавляется и вероятность смены нынешнего хозяина Белого дома в год президентских выборов в США.

В китайском руководстве этап планируемой ротации, судя по косвенным и прямым признакам, проходит не бесппроблемно. В марте 2012 г. было объявлено о выводе из Политбюро и снятии со всех постов Бо Силая – «политического тяжеловеса», весьма неординарного по стилю, идеологии и прежней карьере деятеля КПК. Ряд наблюдателей ранее высоко оценивали его карьерный потенциал, не исключая и позицию в ПК Политбюро. Бо Силай, также как и Си Цзиньпин, является прямым потомком одного из руководителей КНР «первого поколения» – когорты Мао Цзэдуна*. Этих политиков (в Китае их называют «принцы») относят к особой элитной группе; многие из них занимают весьма перспективные для высшего лидерства посты.

Можно предположить, что внутри китайского руководства имеет место серьёзная дискуссия и кадровое соперничество по многим проблемам будущего развития, не исключая и внешнеполитическую сферу. Это естественно для столь масштабного, этнически и исторически уникального, бурно модернизирующегося социума. В таких условиях визит потенциального руководителя КНР в ключевую для китайской внешней политики страну приобретал особый смысл, имея отчасти и «ритуальный» характер. В усложнившемся политическом и информационном пространстве КНР от итогов этой поездки для Си Цзиньпина зависело многое. Китайская блогосфера, аудитория которой свыше 400 млн. пользователей, и к настроениям в которой чутко прислушиваются в китайском правящем классе, отслеживала это событие. Для неё было особенно важно, чтобы новый китайский лидер продемонстрировал «государственный ум», вёл себя с подобающей лидеру гибкостью, но и твёрдостью, и «не прогнулся» перед американцами в ключевых вопросах.

Пятидневная поездка Си Цзиньпина дала много поводов блогерам и журналистам оценивать дипломатическое искусство китайского вице-лидера. Острых вопросов, горячих тем и неудобных аудиторий было предостаточно. Визит, в целом, «получил неплохую прессу» в США и в китайских блогах, чему не в малой степени способствовала его детальная проработка китайским внешнепо-

---

* Отец Си Цзиньпина – Си Чжунсюнь занимал пост вице-преьера Госсовета (правительства) КНР, в 1962 г. был репрессирован Мао Цзедунем и реабилитирован при Дэн Сяопине. Практически аналогичной – репрессии при Мао и реабилитация при Дэне – была судьба отца Бо Силая – Бо Ибо.

литическим аппаратом. Создавалось впечатление, что Си Цзиньпин готов практически к любому вопросу своих визави, хотя от некоторых из них он изящно уходил.

Показателен такой пример. В одной из ключевых встреч визита – в Конгрессе США – сенатор Дж. Маккейн поднял тему прав человека, независимости Тибета, остро критиковал российско-китайское «вето» резолюции ООН по Сирии (февраль 2012 г.). Си Цзиньпин начал свой ответ следующим образом: «Сенатор, ваша прямота и откровенность хорошо известны в Китае». Далее он заметил, что в правозащитной проблематике «существует большой потенциал для совершенствования» и «в своё время у Америки в этой области тоже было немало проблем». От детального обсуждения этих тем, равно как и от дискуссии по сирийской резолюции, Си Цзиньпин уклонился.

Ключевые собеседники Си Цзиньпина, в первую очередь Б. Обама и Д. Байден, вряд ли были заинтересованы в острой полемике. Уязвимая переговорная позиция США – экономика, предвыборная неопределённость, внешнеполитические трудности на Ближнем Востоке, в Европе, в России, очередной виток непредсказуемости на корейском полуострове – мало располагали к этому. У лидеров США – и это более важно – было понимание, что Си Цзиньпин как будущий лидер Китая – далеко не худшая опция для Америки. В досье этого деятеля присутствуют и политические шрамы маоистских репрессий, и репутация мало идеологизированного прагматика-администратора. Факты его досье давали Белому дому повод оценивать Си Цзиньпина как сторонника политической динамики Китая, развития гражданского общества. На прежних постах регионального руководителя – в приграничных провинциях Фуцзянь и Чжэцзян – Си Цзиньпин, как рассуждают аналитики, получил практический опыт налаживания деловых связей с Тайванем.

В интересах Белого дома было стремление поддержать данного политика, вышедшего из нового слоя китайской политической элиты. Многие представители этого поколения получили образование в США или имеют прочный опыт практического взаимодействия с Соединёнными Штатами. Должное значение в США придали и тому факту, что дочь Си Цзиньпина обучается в Гарвардском университете.

Вместе с тем, в силу ряда внутрикитайских обстоятельств – ограниченным опытом нахождения Си Цзиньпина в высших уровнях власти КНР, отсутствием у него мощной личной «команды» и «базы» власти, наличием иных конкурирующих группировок в руководстве КНР – будущее руководство КНР, вероятнее всего, будет иметь ярко выраженный коллективный характер. Этим оно будет отличаться даже от времён Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминя, не говоря уже о более ранних «поколениях» китайского руководства с ярко выраженным «генсеком». Си Цзиньпин предположительно будет занимать в новом руководстве позицию «первого среди равных».

Список литературы

1. Труш С.М. Динамика отношений КНР и США: интересы и мотивации России // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 4. С. 21–30.
2. Фененко А. Тихоокеанские новации Обамы // Независимая газета. Приложение «Дипкурьер». 15.11.2010 (http://www.ng.ru/courier/2010-11-15/9_obama.html).
3. China Daily. 30.11. 2011 (<http://www.chinadaily.com.cn>).
4. China Investment Monitor (<http://rhgroup.net/interactive/china-investment-monitor>).
5. Global Times. 29.03 2012 (<http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/702623/US-missile-shield-fosters-Asian-arms-race.aspx>).
6. US-China Business Council (<https://www.uschina.org/statistics/tradetable.html>).
7. 后危机世界与中美战备竞赛. 孙哲 主编. 时事出版社. 2011 (*Strategic Readjustment of U.S.-China Relations in the Post-Crisis World*) / Под ред. Сунь Чжэ. Пекин: Изд. «Шиши чубаньшэ», 2011. На кит.яз.
8. 国际体系与中国的软力量. 时事出版社. 2006 (*International System and China's Soft Power*). Пекин: Изд. «Шиши чубаньшэ», 2006. На кит.яз.